

Коронавирус как антидот глобализации¹

А.В. АЛЕКСЕЕВ, доктор экономических наук. E-mail: avale@mail.ru
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

¹ Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект XI.170.1.1. «Инновационные и экологические аспекты структурной трансформации российской экономики в условиях новой геополитической реальности», № АААА-А17-117022250127-8.

Аннотация. Статья рассматривает влияние пандемии COVID-19, вызванной коронавирусом SARS-CoV-2, на российскую экономику. Его с полным основанием можно назвать очередным кризисом. Анализируется реакция на этот кризис различных отраслей национального хозяйства, обсуждаются меры, принимаемые правительством по сокращению негативного влияния пандемии на уровень жизни российских граждан. Специфика прохождения настоящего и анализ последствий предыдущих кризисов в очередной раз демонстрируют системную слабость российской экономики по отношению как к внутренним, так и, в особенности, внешним вызовам. Сделан вывод о необходимости активизации усилий государства по созданию гарантированного масштабного долгосрочного спроса на продукцию отечественных компаний, что позволит обеспечить основу для реализации крупных инвестиционных программ – важнейшего условия повышения устойчивости национальной экономики и достижения стратегических целей социально-экономического развития России.

Ключевые слова: коронавирус; пандемия; глобальная экономика; российская экономика; кризис; инвестиции; стратегия национального развития; модель экономического роста

Пандемическая реальность

Никогда такого не было, и вот опять.

В. Черномырдин

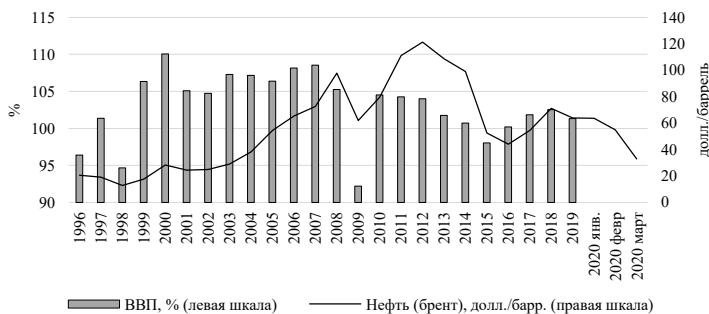
Острая фаза коронавирусной пандемии заслонила в общественном сознании тот факт, что в России разразился очередной экономический кризис. Последнее, впрочем, в новейшей российской истории – не редкость. Первый серьезный кризис произошел в 1998 г. примерно через шесть лет после создания РФ (25 декабря 1991 г.). Затем последовало «золотое» десятилетие – быстрый и устойчивый рост ВВП вплоть до IV квартала 2008 г.

Четвертый квартал 2008 г. и весь 2009 г. – острая фаза мирового финансового кризиса, тяжело пережитого Россией. Судя по бледным экономическим результатам 2010–2013 гг., страна так и не оправилась от его последствий. А уже в марте 2014 г. против РФ начали вводиться масштабные и постепенно ужесточающиеся санкции, «поддержанные» резким снижением цен на нефть в 2015 г. Сочетание этих двух факторов оказалось тяжелым испытанием для российской экономики: в 2015 г. ВВП сократился на 2 п.п. С 2016 г. ситуация в экономике начала улучшаться, но из стагнационного формата воспроизводства российская экономика так и не вышла. И вот – новый катаклизм 2020 г.

Находясь в активной фазе кризиса, трудно понять его характер. За информационным шумом теряются взвешенные оценки экспертов, профессионально разбирающихся в происходящих процессах. Ситуация усугубляется активностью отдельных групп влияния, стремящихся использовать ее в своих интересах. Наконец, органы власти вынуждены принимать управленческие решения в условиях неопределенности. Эти решения едва ли могут быть оптимальными даже теоретически, а с учетом того, что российская исполнительная власть так и не смогла обеспечить устойчивое развитие экономики в более мягких условиях, от предпринимаемых сегодня мер никто не ждет чудес. Тем не менее для поддержания социальной стабильности эти действия нуждаются в оправданиях. Как говорил в кризисных (хотя и другой природы) обстоятельствах генерал Де Голль: «Неужели вы воображаете, что я смог бы создать правительство, которое возразило бы американцам и англичанам, с помощью правды? Историю делают амбиции, а не правда!».

Кризис 1998 г. был предопределен внутренними факторами – быстрой деградацией российской экономики, сопровождавшейся безответственной финансовой политикой администрации Б. Ельцина. Тем не менее его триггером стало резкое падение мировых цен на нефть (с 19,1 долл./барр. в 1997 г. до 12,7 долл./барр. в 1998 г.).

Три последних кризиса пришли извне. Несмотря на принципиальные различия в их природе, у них есть общее: резкое, если не сказать катастрофическое, снижение мировых цен на энергоносители. А темпы роста российской экономики и динамика мировых цен на нефть, сколько бы на официальном уровне ни говорилось о том, что Россия уже соскочила или вот-вот соскочит с нефтяной иглы, тесно связаны – коэффициент корреляции на горизонте 1996–2019 гг. составляет 0,79. Причем классический вопрос корреляционного анализа, что является причиной, а что следствием, в данном случае не актуален – ясно, что темпы роста российского ВВП *не сильно* влияют на мировую конъюнктуру нефтяных цен (рисунок). Данных о динамике ВВП РФ за первый квартал 2020 г. пока нет, но никто не сомневается, что результаты будут далеки от тех, которые прогнозировались еще совсем недавно.

Источник: расчеты по данным Росстата. URL: http://newsruss.ru/doc/index.php/%D0%A6%D0%B5%D0%BD%D1%8B_%D0%BD%D0%B0_%D0%BD%D0%B5%D1%84%D1%82%D1%8C

Темпы роста ВВП РФ (%) и среднегодовые цены на нефть (долл./барр.)

Таким образом, кризисы, выступающие стресс-тестом для российской экономики, показывают, в терминах Нассима Талеба, ее хрупкость [Талеб, 2014]. Стоит внешним условиям ухудшиться (одного параметра – цен на нефть вполне достаточно), и экономика начинает обваливаться. Подчеркнем, что эта хрупкость весьма устойчива – за последние четверть века темпы роста экономики только снижались, а реакция на нефтяные шоки не ослабевала. В российском социуме нарастает раздражение – неужели четверти века недостаточно, чтобы понять, что экономическая политика неадекватна?

Насколько серьезна медицинская сторона происходящей пандемии – предмет отдельного профессионального рассмотрения. Объективно мыслящему неспециалисту остается только недоумевать – почему по другим не менее заразным и не менее смертоносным заболеваниям карантин не объявляется, и проблема решается в режиме «подожди – и все само пройдет ... нанеся положенный ущерб». Немногочисленные оценки ситуации профессионалами теряются в потоке алармистских суждений журналистов и официальных лиц, которые имеют лишь поверхностное представление о медицинской природе обсуждаемого явления.

Вместе с тем последствия управленческих решений, принимаемых на основе представлений, которые, строго говоря, нуждаются в дополнительном серьезном научном исследовании,

весьма серьезны. Остановимся подробнее на этих последствиях, оставив в стороне вопрос об адекватности масштабов и качества данных решений наблюдаемой реальности.

Пандемия: экономические последствия для России

Первое, что бросается в глаза привыкшим внимательно следить за стоимостью нефти российским гражданам, – обвальное падение ее цены как следствие разразившейся пандемии. Мировая экономика резко затормозила, потребность в энергетических ресурсах на перенасыщенном еще до эпидемии рынке снизилась. Вообще говоря, для реформатирования рынка эпидемия не нужна, но нынешняя ситуация позволила, сняв политические демпферы, резко ускорить этот процесс. Результат – страны нетто-импортеры энергетического сырья выиграли; страны, сделавшие ставку в своем развитии на топливно-энергетический комплекс (как Россия), стратегически проиграли.

И это урок для России. В самой его сути нет ничего нового: значительная часть научного сообщества и российского бизнеса уже много лет твердят о том, что стратегическим приоритетом развития страны должно стать создание инновационной экономики с опорой на развитие обрабатывающих производств, информационных технологий, фундаментальной и прикладной науки. Воз и ныне там, но «капля камень точит».

Вообще за нервной реакцией на снижение нефтяных цен остается в тени простое соображение – если цены на один из базовых потребляемых ресурсов резко снизились, помимо того, что его непосредственные производители оказались в проигрыше, это означает, что кто-то должен и выиграть. Конечно, по системе межотраслевых связей волна от снижения спроса на инвестиции в нефтегазовой сфере пройдет по всей экономике нефтедобывающих государств, сильно ударит по национальным бюджетам, но в остальных странах потребитель не может не почувствовать облегчения от сокращения одной из весьма значимых статей расходов. Высвободившиеся ресурсы можно направить не на выплату ренты нефтедобытчикам, а на собственное потребление, а еще лучше – развитие.

Можно, конечно, ожидать, что цены на энергоресурсы восстановятся и все вернется на круги своя, но оснований для подобных

надежд немного. Мировая цена на нефть определяется, если абстрагироваться от массы привходящих обстоятельств, худшими при текущем уровне спроса условиями добычи сланцевой нефти. И эта цена, в силу прогресса в технологиях добычи сланцевой нефти, в тенденции снижается.

Сегодня в прессе много разговоров о том, что американские сланцевые компании находятся на грани банкротства. Эти переживания явно напрасны. Именно прогресс в сланцевой добыче позволил не только остановить рост нефтегазовых цен, но и обрушить их. «Благодарная» экономика развитых стран, в том числе американская, найдет способ компенсировать сланцевикам их потери.

Снижение цен на базовые энергоресурсы, безусловно, изменит сложившиеся социально-экономические приоритеты. Например, в стремлении развивать зеленую энергетику станет гораздо меньше экономических соображений (что, впрочем, не отменяет экологическую составляющую). Стремление повысить энергоэффективность на протяжении длительного времени было значимым стимулом и для инновационной активности. Определенное снижение силы экономической мотивации в этой сфере вряд ли существенно замедлит инновационный процесс в целом, но можно ожидать перераспределения имеющихся ресурсов в более актуальные направления.

Так, например, нынешний кризис показал значимость для современной экономики информационных технологий и уровня развития информационной инфраструктуры. Экономика, конечно, еще далека от того, чтобы управляться по сети, но уже заметная ее часть – образование, госуправление, отчасти услуги и наука, многие сферы реального бизнеса уже могут быть реализованы в информационном формате.

За время кризиса в освоении потенциала информационных технологий сделано два шага вперед. Эпидемия закончится, произойдет неизбежный откат к привычным формам организации деятельности (шаг назад), но один-то шаг вперед останется. Бизнес осознал, что определенные виды деятельности можно безболезненно перевести в дистанционный режим, при этом еще и переложить часть затрат на работника «работа из дома на треть эффективнее и в 2 раза дешевле. В посткоронавирусной

экономике доля работающих удаленно может быстро превысить 1/3» [Дынкин, 2020].

Это осознание не будет способствовать расширению производственного, в первую очередь офисного, пространства, но станет хорошим стимулом для активизации жилищного строительства – наличие в жилом помещении рабочего кабинета, обеспеченного широкополосной связью, становится уже не предметом роскоши, а жизненной необходимостью.

Пандемия со всей очевидностью проявила и забрезживший накануне кризис самой модели глобальной экономики. Глобализация, возможно, хороша в условиях «идеального» человечества: рыночные агенты вне зависимости от государственных границ специализируются на том, что умеют делать лучше всего, и, обмениваясь результатами своей деятельности, общими усилиями повышают эффективность этой интегральной экономики. В общем, реализуется мечта В. Маяковского: «чтобы в мире без России, без Латвий жить единым человечьем общежитьем».

Эпидемия в очередной (который?) раз показала, что как только возникает серьезный кризис, «общежитье» моментально разбегается по национальным комнатам, и «кто не спрятался (не обеспечил себя базовыми технологиями, в рассматриваемом случае буквально – марлевыми масками), я не виноват». Как пишет Р.Н. Лукин, «национальный суверенитет в кризисной ситуации оказался чем-то намного более конкретным и быстро достижимым, чем это предполагалось ранее. Более того, обособление государства в трудный период его жизни оказалось вполне эффективным с точки зрения разрешения проблемы» [Лукин, 2020].

Поразительная в своей наивности упертость российской экономической политики в догму «эффективность – наше все», в пределе имеющая не афишируемое, но твердое убеждение, что «мы поставляем на мировой рынок ресурсы, а глобальная экономика – нам то, что умеет производить эффективно, т.е. все остальное» в очередной раз продемонстрировала непонимание самих основ функционирования сложных систем.

В первую очередь система должна быть устойчива к внешним стрессам и лишь по мере достижения этой устойчивости может быть оптимизирована по критерию повышения своей эффективности при действующем ограничении по поддержанию необходимого уровня устойчивости.

Действительно, вряд ли стоит сомневаться, что кто-то из архитекторов российской экономической системы согласится лететь в экономически эффективном самолете, который теряет управляемость и грозит уйти в пике при малейшей смене направления воздушных масс. Но принятие риска экономического коллапса как результата сознательного создания принципиально уязвимой экономики при этом считается вполне приемлемым, хотя речь идет о жизни миллионов людей.

Нельзя не отметить воздействия пандемии на отработку технологий социального управления. С одной стороны, не приходится сомневаться, что провальные экономические и политические результаты 2020 г. будут списаны на коронавирус, с другой – о каком выражении социального протеста может идти речь в условиях объявленной эпидемии, когда даже перемещение по неотложным нуждам более или менее жестко контролируется?

Что делает власть?

Президент, а за ним и органы государственной власти России, достаточно быстро и активно среагировали на проявившуюся угрозу. Принятые меры по принуждению к самоизоляции, выявлению граждан с повышенным риском заболеваемости COVID-19 и организации карантина для них, поддержка системы национального здравоохранения в целом и ее инфекционного направления в частности, едва ли можно признать необоснованными. Насколько эти меры оказались адекватны реальности, можно будет судить только после окончания эпидемии, но, очевидно, если они и оказались недостаточны, чтобы не допустить эпидемию в принципе, то все же предотвратили лавинообразное развитие процесса, с которым система здравоохранения заведомо бы не справилась.

Обращает на себя внимание, что основным удар мер, принятых против пандемии, пришелся на сферу услуг (за исключением здравоохранения) и пассажирский транспорт. В наибольшей степени пострадал бизнес, организующий культурно-массовые мероприятия (туризм, спорт, развлечения, киноконцертная деятельность, общественное питание, салоны красоты и др.). В существенно меньшей степени ограничительные меры затронули системы жизнеобеспечения, сельское хозяйство, промышленность. Впрочем, основные испытания для промышленности еще впереди – когда до нее дойдет волна снижения покупательной

способности населения, вызванная противопандемической системой ограничений.

Такое непропорциональное распределение бремени мер по предотвращению эпидемии по сегментам российского общества – серьезный тест на устойчивость российской финансовой системы: доходы миллионов людей упали, сократятся, соответственно, налоговые поступления в бюджеты всех уровней, возрастет доля невыплаченных в срок кредитов, что станет не простым испытанием уже для банков.

Впрочем, есть и бенефициары сложившейся ситуации: можно ожидать, что часть средств населения, которую оно не смогло потратить в сфере услуг, сформирует дополнительный спрос в других отраслях экономики, таких как производство товаров длительного пользования, жилищное строительство.

Таким образом, основная угроза российской экономике в краткосрочной перспективе находится в финансовой области. Материальная основа функционирования экономики если и пострадала, то не столько в результате мер по предотвращению пандемии, сколько из-за экономической политики последних лет, и продолжает обеспечивать потребности российских граждан в тепле, электроэнергии, продовольствии, промышленных товарах.

С учетом того, что распространение коронавируса удастся взять под контроль, да и свою «политическую» задачу – списать предыдущие провалы в экономической политике и издержки по переходу к новым форматам организации бизнеса и новых норм социального контроля, в том числе цифровых, – пандемия выполнила, можно ожидать ее скорого прекращения. Сейчас важно не допустить создания разрушительной воронки: «снижение доходов части населения – снижение спроса – снижение производства по всем отраслям экономики – снижение доходов уже всего населения – дальнейшее почти неконтролируемое снижение производства товаров и услуг». Опыт гибкой финансовой политики в кризис 2008–2009 гг. свидетельствует о том, что эта задача выполнима и, скорее всего, будет решена.

Здесь показателен опыт других стран по решению данной проблемы. Так, Администрацией Президента Трампа разработан и уже проведен через Конгресс закон CARES – «Об экономической безопасности и чрезвычайной помощи в противодействии

коронавирусу». «Это грандиозная программа помощи экономике США в 2,2 трлн долл. Она предполагает стимулирование отраслей экономики, которые в наибольшей степени уже пострадали от воздействия коронавируса, адресную помощь широким группам населения. Более 560 млрд долл. пойдет на прямые выплаты и другие программы помощи тем, кто потеряет работу, семьям с детьми, доходы которых падают» [Войтоловский, 2020].

А вот задача повышения инвестиционной активности точно решена не будет. В 2020 г. нас ждет сокращение инвестиций. Инвестиции – один из самых жестких экономических параметров: снижаются инвестиции, с лагом в 3–4 года с неизбежностью замедляются темпы роста ВВП [Алексеев, Кузнецова, 2019]. Таким образом, эхо сегодняшней пандемии будет отдаваться в российской экономике еще долго.

Постпандемическая Россия

Впрочем, настоящая проблема не в сглаживании проблем, возникших в результате атаки коронавируса, какими бы серьезными они не представлялись, а в создании устойчивой по отношению к внешним негативным воздействиям национальной экономики. «Национальное государство в очередной раз в истории доказывает (за отсутствием другого серьёзного претендента) свою роль главного элемента системы глобального управления и одновременно получает возможность демонстрировать способность исполнять её для всеобщего блага», – подчеркивает, рассматривая современную ситуацию, А. Громыко [Громыко, 2020].

Сама собой, рыночными средствами эта проблема не решается. За долгосрочные цели национального развития ответственно государство. Фундаментальная сила государственного подхода – возможность осуществления инвестиций с учетом долгосрочных стратегических интересов развития национальной экономики. Однако сегодня российское руководство не имеет ни достаточных компетенций, ни ресурсов для их достижения.

Бизнес располагает как ресурсами, так и компетенциями. Более того, у него в наличии система встроенных механизмов контроля эффективности принимаемых инвестиционных решений. Однако в условиях современной российской институциональной среды у бизнеса нет мотивации к принятию серьезных инвестиционных решений. Он ориентирован на малый горизонт планирования

и, следовательно, на решение тактических, но не стратегических задач развития. Это не новая проблема для российской экономики, но, по мнению академика В. А. Крюкова, «у нас нет вдумчивого подхода к формированию системы регулирования крупных производственно-технологических комплексов» [Крюков, 2020].

Простое операционное решение – государство гарантирует спрос на продукцию, которая будет получена в результате крупных инвестиционных проектов, – способно дать бизнесу мотивы и стимулы к решению не только тактических, но и стратегических задач развития. А это совсем другое качество решений: создание крупных инвестиционнoемких производств, независимость от остального мира по критическим технологиям, превращение в действительно развитую, а не рентную экономику.

Кризис дает шанс для активизации решения этого класса проблем, хотя реальных поводов для оптимизма здесь пока, приходится признать, немного.

Литература

Алексеев А. В., Кузнецова Н. Н. Инвестиционная динамика как фактор трансформации российской экономики. // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 10. С. 981–992. DOI: 10.31857/S0869–58738910981–992.

Войтоловский Ф. Главные трудности для США еще впереди. URL: <https://www.interfax.ru/interview/702258> (дата обращения: 14.04.2020).

Громько А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2 (14). С. 6.

Дынкин А. Танец черных лебедей. Мировая премьера. URL: <https://www.interfax.ru/interview/701437> (дата обращения: 15.04.2020).

Крюков В. Наше руководство не знает российской экономики / интервью подготовил А. Механик // Эксперт. 2020. № 12, 16–22 марта. С. 49.

Лукин Р. Будущее европейской идентичности на фоне коронакризиса. Институт Европы Российской академии наук. Аналитическая записка. 2020. № 10 (№ 193). С. 5.

Талей Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, 2014. 768 с.

Статья поступила 17.04.2020

Статья принята к публикации 20.04.2020.

Для цитирования: *Алексеев А. В.* Коронавирус как антидот глобализации// ЭКО. 2020. № 5. С. 144-155. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-5-144-155.

Summary

Alekseev, A.V., Doct. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

Coronavirus as the Antidote for Globalization

Abstract. The influence of COVID-19 pandemic upon the Russian economy is the focus of this paper. The situation under consideration can reasonably be defined as a typical crisis. The author predicts the reaction of different branches of national economy to the crisis examining decisions made by government to reduce the negative effect of pandemic on living standards of the Russian people. The consequences resulting from several previous economic crises as well as current handling of the latest one demonstrate weaknesses within the system of the Russian economy relative to internal and especially external challenges.

The author reaches a conclusion on necessity to stimulate public efforts towards creating stable long-term demand for goods produced by domestic companies as the basis for implementing major investment programmes as the most crucial condition for stability of the national economy and achievement of strategic goals of Russia's social-economic development.

Keywords: *coronavirus; pandemic; global economy; Russian economy; crisis; investment; The National Development Strategy; pattern of economic growth*

References

Alekseev, A.V., Kuznetsova, N.N. (2019). Investment Dynamics As a Factor of Transformation of the Russian Economy. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 89, Is. 5. Pp. 441–450. (In Russ.). DOI: 10.1134/S1019331619050010.

Dynkin, A. (2020). Black swan' dance. World premiere. Available at: <https://www.interfax.ru/interview/701437> (accessed: 15.04.2020). (In Russ.).

Gromyko, A. (2020). Coronavirus as a factor in world politics. *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*. No. 2 (14). P. 6. (In Russ.).

Kryukov, V. (2020). Our leaders do not know Russian Economy. *Expert*. No. 12. 16–22 March. P. 49. (In Russ.).

Lukin, R. (2020). The future of European identity against coronacrisis. Institute of Europe. Russian Academy of Science. *Analytical notes*. No.10 (193). P. 5. (In Russ.).

Taleb, N. (2014). Antifragile. Things That Gain From Disorder. Moscow. CoLibri Publ. 768 p. (In Russ.).

Voitolovskii, F. Major challenges for USA still lie ahead. Available at: <https://www.interfax.ru/interview/702258> (accessed 14.04.2020). (In Russ.).

For citation: Alekseev, A.V. (2020). Coronavirus as the Antidote for Globalization. *ECO*. No. 5. Pp. 144-155. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-5-144-155.